

Осень в Яньчэне была прекрасна: золотистые кленовые листья, кружась, падали на землю. У обочины остановилось такси, дверь открылась, и из машины вышел высокий и стройный юноша. Шурша опавшей листвой, он покати́л чемодан к главному входу в театр, но затем остановился, глядя на длинную очередь зрителей, ожидавших проверки билетов. «Можно ли пройти без билета?» Цао Е слегка приуныл. Он приехал к своей маме, Ли Ю, но билета на концерт у него не было — этой поездкой он хотел сделать ей сюрприз, поэтому не сообщил о приезде заранее.

В этом году Яньчэнский театр принимал Всекитайский конкурс симфонических оркестров, и Ли Ю была приглашена в качестве члена жюри. По первоначальному плану, после окончания конкурса она должна была сесть на международный рейс до Лос-Анджелеса, чтобы отпраздновать день рождения Цао Е. Но юноша знал, что график Ли Ю в последнее время был очень плотным, и два долгих международных перелёта отняли бы у неё массу времени и сил. Поэтому он взял инициативу в свои руки и сам вернулся на родину.

«Стоит ли звонить Ли Ю? А вдруг она сейчас занята...» Сжимая в руке телефон, Цао Е в нерешительности направился к длинной очереди. Подойдя к толпе, он расспросил несколько человек, но никто не собирался продавать лишний билетик. Рядом с этой очередью находился служебный вход для персонала, куда один за другим заходили музыканты с инструментами за спиной.

— Он забыл пропуск, мы вместе. — Цао Е услышал слова одного из музыкантов.

Глядя, как группа молодых людей прошла внутрь, Цао Е внезапно осенило — а может, попробовать проскользнуть с ними? По возрасту он не отличался от этих ребят, и если он тоже сойдёт, что забыл документы... С этой мыслью Цао Е перешёл на другую сторону и пристроился в хвост очереди музыкантов. Эта очередь двигалась гораздо быстрее соседней зрительской, и вскоре Цао Е вслед за впереди идущими оказался перед сотрудником контроля.

— Пропуск, — сказал проверяющий.

— Я забыл его взять.

Главное правило успешной лжи: никто не должен заметить, что ты лжёшь. Цао Е выпрямил спину, вид у него был абсолютно уверенный. Врал он хладнокровно, совершенно не краснея.

— Пусть кто-нибудь выйдет и проведёт тебя. — Проверяющий не собирался делать поблажек. — Отойди пока в сторону, пропусти тех, кто за тобой.

Цао Е растерялся.

В этот момент, переговариваясь и смеясь, подошли семь-восемь подростков с инструментами за спиной. У юноши, шедшего посередине, были длинные, до плеч чёрные волосы, убранные назад; пряди на лбу слегка развевались на ветру, открывая плавные и утончённые линии профиля. Взгляд Цао Е, скользнув по его лицу, невольно задержался.

Тем временем юноша подошёл ко входу и показал сотруднику пропуск. Возможно, почувствовав, что на него смотрят, он тоже перевёл взгляд на Цао Е. В то мгновение, когда их глаза встретились, в голове Цао Е промелькнула мысль: «Откуда взялся этот небожитель?» Он тут же подумал, что этот парень, возможно, сможет помочь. Увидев, как юноша убрал пропуск и собирается шагнуть в зал, Цао Е ещё не успел всё обдумать, как тело отреагировало первым: он поднял руку, схватил юношу за локоть и, глядя на сотрудника, сказал:

— Мы вместе.

Сотрудник повернул голову к юноше, уточняя:

— Знакомы?

Взгляд юноши снова обратился к Цао Е, на этот раз задержавшись чуть дольше, с оттенком оценивающего любопытства. Несколько музыкантов, находившихся с ним, тоже обернулись.

— Угу, — спустя мгновение коротко отозвался юноша.

— Проходите, — уступил сотрудник.

Чрезвычайно обрадованный Цао Е последовал за юношей внутрь и тихо сказал:

— Спасибо, дружище.

— Ты музыкант? — Юноша снова взглянул на него.

Цао Е честно ответил:

— Нет, я пришёл к Ли Ю. — И добавил: — К моей маме.

Услышав это, окружающие с некоторым удивлением посмотрели на Цао Е, и только на лице юноши не дрогнул ни единый мускул. Неподалёку кто-то помахал рукой и крикнул:

— Сычжэ, в программе изменения, иди скорее сюда!

Юноша поднял голову в ту сторону, отозвался: «Хорошо», после чего, ускорив шаг, оглянулся на Цао Е:

— Я пошёл.

Цао Е кивнул. Он посмотрел на футляр для инструмента за спиной юноши — судя по очертаниям, это была скрипка. Тем временем он услышал, как один из удаляющихся музыкантов сказал:

— Сычжэ, он правда сын Ли Ю-лаоши?

Юноша по имени Сычжэ покачал головой.

— И ты вот так просто провёл его внутрь? А вдруг он мошенник?

Те несколько человек ушли дальше, и Цао Е не услышал ответа длинноволосого юноши. «Сычжэ...» Цао Е мысленно повторил это имя, оглянулся ещё раз, но парень уже вошёл в репетиционный зал и скрылся из виду.

Расспросив по пути несколько человек, Цао Е наконец выяснил, где находится его мать. Ли Ю за кулисами просматривала список произведений для сегодняшнего конкурса, когда вдруг услышала за спиной: «Мама». Она была более чем знакома с этим юным, звонким мальчишеским голосом. Женщина недоверчиво обернулась и, к своему изумлению, действительно увидела Цао Е:

— Сяо Е?! Как ты здесь оказался?

— День рождения, конечно же, нужно проводить вместе с занятой тысячей дел Ли Ю. — Глаза Цао Е от улыбки превратились в щёлочки. — Сюрприз!

— Почему ты даже словечком не обмолвился? — Ли Ю отложила программку, подняла руку и погладила Цао Е по волосам. — Ну что за ребёнок... В школе отпросился?

Остальные люди за кулисами, услышав, что приехал сын Ли Ю, обернулись. Подошла ещё одна женщина-член жюри:

— Ли Ю, твой сын уже такой большой? И такой красавец... Тоже учится играть на скрипке?

Цао Е слышал, как окружающие обсуждают его происхождение, упоминая имя Цао Сююаня, но пропустил это мимо ушей. Будучи сыном знаменитого режиссёра Цао Сююаня и известной скрипачки, Цао Е давно привык к подобным пересудам.

Воспользовавшись тем, что Ли Ю разговаривала с подругой, Цао Е оглядел закулисы. Он снова увидел того длинноволосого юношу — держа в руках скрипку, тот отвечал за настройку инструментов всего оркестра и, казалось, совершенно не замечал происходящего в их стороне.

— Ой, он же у нас из тех, кто ловит рыбу три дня, а сушит сети два. Откуда у него столько терпения?.. — рассмеялась Ли Ю, положив руку Цао Е на спину. — Сяо Е, я скоро сяду в кресло жюри, попрошу администратора подыскать тебе место. Посидишь, поучишься...

Она проследила за взглядом Цао Е:

— На что ты смотришь?

— Ни на что. — Цао Е отвёл взгляд. — Мам, занимайся своими делами, не обращай на меня внимания.

Оркестры выступали один за другим — мощно, мелодично... Цао Е, просидевший много часов в самолёте, начал клевать носом. Он уже подумывал тайком улизнуть и поискать развлечений, но стоило ему привстать, как на сцену вышел следующий оркестр. Ведущий подошёл к микрофону, чтобы объявить:

— Оркестр представляет музыкальную школу при консерватории Яньчэна, они исполнят «Канон» Пахельбеля.

Цао Е понравился «Канон», поэтому он мельком взглянул на сцену. И в этот миг, в нескольких метрах от себя, он увидел выходящего к зрителям того самого длинноволосого юношу, и, словно по какому-то наваждению, снова сел.

Юноша по имени Сычжэ сидел ближе всех к дирижёру оркестра — он был первой скрипкой. Он был настолько ярким, что с самого появления приковал к себе взгляды всего зала. Он сидел

вполоборота, опустив глаза на струны, и волосы на его лбу слегка подрагивали в такт движениям во время игры.

Надо сказать, исполнение «Канона» яньчэнской школой отличалось своеобразием, особенно партия солирующей скрипки — в ней чувствовалась некая необузданная свобода и дикая сила. Когда выступление завершилось, Цао Е увидел, как Ли Ю в кресле жюри слегка кивнула: он знал, что так она выражает своё одобрение. В голове Цао Е мелькнула мысль: он хочет познакомиться с этим человеком на сцене.

Цао Е привык делать то, что приходит ему в голову, поэтому он пригнулся и проскользнул за кулисы. Отыгравшие музыканты уже убирали инструменты, готовясь пойти в зрительный зал, чтобы насладиться следующими выступлениями.

Когда Цао Е направился к длинноволосому юноше, остальные музыканты снова уставились на него. Не только потому, что он был единственным сыном Ли Ю и Цао Сююаня, но и потому, что этот парень сам по себе привлекал внимание — высокий, длинноногий, от него исходила живая юношеская энергия, а его милое лицо так и располагало к себе.

Цао Е неспешно подошёл к длинноволосому парню. Тот, убирая скрипку, взглянул на него и, видимо, пребывая в хорошем настроении, выпрямился. Прислонившись к краю стола позади себя и глядя на Цао Е, он заговорил первым:

— Нашёл маму? — Его тон звучал шутливо, а во взгляде читалась усмешка.

То, что собеседник поддразнивал его, словно ребёнка, ничуть не расстроило Цао Е. Он лишь спросил:

— Сычжэ. А фамилия?

— Угадай.

— Да как тут угадаешь?.. Сычжэ, Сычжэ. — Цао Е повторил эти два слога. — Можно я буду звать тебя Сычжэ?

— Ты ведь, кажется, младше меня, да?

— Тогда... Сычжэ-гэгэ?

Чёрные зрачки юноши были похожи на тёплые стеклянные бусины, смешинки в глазах Лян Сычжэ стали ещё заметнее — откуда взялся этот ребёнок, что так и располагает к себе? Они оказались родственными душами, и после пары фраз стали общаться как старые друзья. Они говорили о скрипках, о «Каноне», о Бахе, а также о прошлом и будущем — беседа текла удивительно легко. Возникло даже чувство, будто они жалеют, что не встретились раньше.

Напоследок Лян Сычжэ спросил:

— Так зачем ты вернулся в страну на этот раз? Специально навестить Ли Ю-лаоши?

— Угу, — кивнул Цао Е. — У меня день рождения. Я не хотел, чтобы мама утомляла себя переездами, поэтому сам приехал к ней.

— У тебя день рождения..., — Лян Сычжэ на мгновение задумался. — А я даже не приготовил никакого подарка...

— Ты хочешь подарить мне подарок?

— Есть такая мысль, — усмехнулся Лян Сычжэ.

— А можно я выберу сам?

— Конечно. — Заметив, что у собеседника, похоже, уже есть идея, Лян Сычжэ с неподдельным интересом спросил: — И что же ты хочешь выбрать?

— Что угодно?

— Лишь бы это у меня было.

— А эту скрипку можно? — Цао Е указал на инструмент Лян Сычжэ.

Лян Сычжэ слегка опешил — он играл на этой скрипке много лет, на ней уже виднелись многочисленные потёртости, да и к разряду дорогих инструментов она не относилась. То, что парень попросил именно её, стало для него настоящей неожиданностью.

Заметив заминку на лице Лян Сычжэ, Цао Е поспешил дать ему возможность выйти из неловкого положения:

— Конечно, если эта скрипка для тебя очень важна...

— В ней нет ничего важного, дарю. — Лян Сычжэ наклонился, взял свою скрипку и протянул Цао Е. — Вот только, почему ты захотел именно эту старую скрипку?

— А тебе не кажется, что сегодняшний вечер достоин того, чтобы остаться в памяти? — Цао Е положил скрипку на плечо, взял смычок, сыграл отрывок из «Канона» и, глядя на Лян Сычжэ, сказал: — В будущем, когда я посмотрю на эту скрипку, я смогу вспомнить сегодняшний вечер, а заодно вспомню и тебя.

После того вечера Лян Сычжэ сменил скрипку, что вызвало некоторое удивление у остальных участников оркестра. В конце концов, старый инструмент служил ему очень долго, и, казалось, Лян Сычжэ сильно его любил — раньше он никогда не заикался о том, чтобы поменять скрипку.

— Почему ты сменил скрипку? — однажды спросил его друг, дирижёр оркестра.

— Ту я подарил.

— Скрипки нельзя дарить просто так, — пошутил друг. — Слова «скрипка» и «чувства» звучат одинаково, подарить скрипку — всё равно что подарить сердце, разве ты не знал?

Примечание переводчика. Игра слов: слово «скрипка» (琴, qín) и слово «любовь/чувства» (情, qíng) являются почти омофонами.

Лян Сычжэ усмехнулся:

— Что за старомодные байки?

Новая скрипка тоже была хороша, хотя и не лежала в руке так же привычно, как старая. Время от времени Лян Сычжэ вспоминал ту старую скрипку, а вместе с ней и юношу, с которым в тот вечер у них так чудесно сложился разговор. Он подсознательно начал обращать внимание на новости, связанные с Ли Ю, но она очень хорошо оберегала Цао Е — его имя ни разу не всплыло в прессе. Лян Сычжэ осознал, что, хотя они были знакомы всего один вечер, он, как ни странно, скучает по этому парню. Жаль только, что, возможно, им была суждена только одна встреча.

В начале июня следующего года классный руководитель неожиданно остановил Лян Сычжэ после уроков и протянул ему длинный свёрток:

— Сычжэ, не знаю, кто прислал тебе эту посылку. Написано только: «Яньчэнская музыкальная школа», даже класс не указан. Хорошо хоть охранники тебя знают.

Лян Сычжэ взял посылку. Она была довольно тяжёлой, а по весу и форме напоминала скрипичный футляр.

— Кто-то прислал тебе скрипку? — Сзади подошёл друг, проявляя немалый интерес. —

Быстрее, открывай.

В Лян Сычжэ, что случилось редко, тоже проснулось любопытство. Кто станет ни с того ни с сего дарить ему скрипку?

Упаковку вскрыли, и показался чёрный футляр. Один только вид этого футляра, явно стоившего немалых денег, заставил всех затаить дыхание в предвкушении. Лян Сычжэ ещё ничего не сказал, но остальные уже сгорали от нетерпения. Одноклассников, столпившихся вокруг, становилось всё больше.

— Правда скрипка?

— Открывай же!

Длинные тонкие пальцы легли на край футляра, щёлкнули застёжками, и Лян Сычжэ медленно приоткрыл крышку... Внутри лежала тёмно-коричневая деревянная скрипка, отливающая мягким глянцем. Она выглядела неброско, но благородно.

Кто-то из стоящих рядом тихо ахнул:

— Какая текстура... Какой мастер её создал?

— Сычжэ, кто же всё-таки подарил тебе эту скрипку?

Чей-то зоркий глаз подметил:

— Там карточка!

Лян Сычжэ тоже увидел квадратную открытку и взял её в руки. Там было написано:

«Сычжэ-гэгэ, видеть эту скрипку — всё равно что видеть меня. Желаю тебе доброго утра, доброго дня и спокойной ночи».

Хотя внизу не было подписи, в памяти Лян Сычжэ тут же всплыло милое юношеское лицо.

Кто-то пододвинулся ближе, пытаясь разглядеть написанное:

— Что там? Уж не любовное ли письмо тебе прислали?

Лян Сычжэ убрал карточку и с едва заметной усмешкой взглянул на парня:

— Угадай.

Примечание переводчика. В подписи открытки использовано элегантное перефразирование старинного эпистолярного штампа «видеть это письмо — всё равно что встретиться лицом к лицу».

<http://bllate.org/book/12811/2085906>